

Россия, 2004. — 16-22 сент. — с. 21

Евгений Крылатов: «Я всегда работал легко...»

Беседа вел Анатолий Ткачев

Евгений Крылатов принадлежит к плеяде наиболее плодотворных и успешных отечественных композиторов, точнее будет сказать — кинокомпозиторов. А кино, как известно, популярнейшее из искусств, и зачастую именно музыка делает его таковым. Песни Крылатова звучат в таких всенародно любимых фильмах, как «Достояние республики», «Ох уж эта Настя!», «И это все о нем», «Приключения Электроника», «Чародей», «Гостья из будущего» и многих других. Наш гость — обладатель именитой плиты на Аллее Звезд.

ОЛГА ШВЕДОВА

— Евгений Павлович, вы когда-нибудь помошляли о другой профессии?

— Нет. Как-то с самых малых лет решил, что моя жизнь будет связана с музыкой. Я тогда не думал ни о Москве, ни о славе — просто хотелось сочинять. Мне было лет восемь, когда написал свое первое произведение — две крохотные фортепьянные пьески «Часы» и «Грустная песенка». Они до сих пор у меня где-то хранятся.

— У вас в семье была предрасположенность к музицированию?

— Как сказать... Мои родители не имели никакого отношения к музыке — они всю жизнь проработали на заводе. Но вместе с тем музыка у нас звучала постоянно, преимущественно классическая. А главное — в доме имелось фортепьяно. Сначала я учился в музыкальной школе, потом закончил Пермское музыкальное училище, так как сам я пермяк. После этого поступил в Московскую консерваторию, на фортепьянное отделение. Правда, закончил не фортепьяно... После консерватории меня хотели отправить лектором в Тулу, но родной город помог получить что-то вроде «свободного диплома» — я работал в самодеятельности, брэнчал где-то на пианино... Прорыв произошел в семьдесят первом году, когда вышли фильмы «Достояние республики», «О любви», «Ох уж эта Настя!», благодаря которым меня узнали. Пошли заказы... Тогда же я получил московскую квартиру, в которой до сих пор и живу со своей семьей.

— Вы действительно раз и навсегда решили писать музыку только для кино?

— Совсем нет, до прихода в кино я писал для драматических театров. Так сложилось... И я не могу сказать, чтобы меня это как-то ущемляло.

— Как вы предпочитаете писать — чтобы песня входила в сюжетный контекст фильма или являлась лирическим отступлением?

— Это зависит от режиссера. Конечно, приятнее, чтобы песня обретала внеэкранный быт, но это далеко не всегда получается. Примерно две трети песен у меня, так сказать, прикладные — их трудно отделить от конкретного эпизода. Вряд ли кому-то придет в голову исполнять с большой эстрады «Главное» — чтобы костюмчик сидел.

— Зато «Крылатые качели» — это бренд! Мало того, что песня сама по себе хороша, она еще перекликается с

вашей фамилией. Всю вашу музыку прозвали «крылатой». Посему сразу глобальный вопрос: ваша главная музыка написана?

— С высоты моих семидесяти лет и ста пятидесяти фильмов было бы глупо отвечать: «Нет, у меня еще все впереди!» Спрашивается, что же ты делал все это время? Безусловно, самое главное, что я хотел сказать, я уже сказал и не претендую на нечто принципиально новое.

— Быть может, назовете конкретное произведение?

— Вот это сложно. Как судить — по рейтингам, по хит-парадам?.. Но это очень коротко. И потом, в связи с чем считать то или иное сочинение главным для себя. Мне очень дорога «Колыбельная медведицы» из мультфильма «Умка», потому что это моя первая серьезная работа для экрана. А если брать фильм в целом, то очень люблю «Русалочку» — хотя это далеко не самый кассовый из моих фильмов. Сложно сравнивать такие малые формы, как песенный жанр. Если бы я писал симфонии, тогда все было бы ясно: «Лучшая» — симфония номер шесть.

— А вы пробаовали себя в крупных формах?

— Только в консерватории, когда требовалось по программе, написал фортепьянный концерт, особой ценности не представляющий. Я еще в музыкальной школе определил для себя стезю. В свое время переиграл всего Моцарта, Бетховена, Рахманинова, но и тогда отдавал предпочтение музыке легкого, романтического плана. Да, вот еще для защиты диплома написал балет «Цветик-семицветик» по известной сказке Катаева, который шел в Большом театре, но балет — это уже не крупная форма, это собрание нескольких сочинений малых форм.

— А такая модная нынче форма, как мюзикл? Блокбастер моего детства «Приключения Электроника» — фактически готовый мюзикл. Почему бы не перенести его на сцену?

— Такие мысли были, но это уже прерогатива режиссера. Саундтреки к «Электронике», впрочем, выходили и выходят. А я бы хотел написать некое музыкально-драматическое действо. Сейчас решается вопрос о постановке в театре «Русалочки» в связи с двухсотлетним юбилеем Андерсена. Надеюсь, что получится.

— Вы сочиняете за роялем или на компьютере?

— За роялем.

— Вы не находите, что музыка, написанная с помощью «живого» инструмента, представляется более качественной, нежели продукт, выданный на синтезаторе?

— Не нахожу — каждый работает, как ему удобнее. Прежде всего, условимся: музыку придумывает человек. А уж компьютер там у него или рояль — это техническая реализация. Я не могу сочинять за компьютером. Именно сочинять — для этого мне нужен контакт с инструментом. Но когда музыка уже написана, я часто записываю ее в студии — результат тот же самый.

— Не предубеждение, будто молодые композиторы предпочитают исключительно электронику. Они тоже прекрасно понимают, что компьютер сам музыку не сочиняет. А то, что старшее поколение не близко к компьютеру, связано еще с трудностями его освоения. Когда, например, я оркеструю партитуру, то ощущаю нехватку компьютера. Но, по-моему, мне уже поздно овладевать этой машинной премудростью — проще написать за роялем и отдать в студию, чтобы там сделали все, что нужно.

— Кого из исполнителей своих песен считаете идеальным?

— Я уже говорил, что не все мои песни подходят для концертного исполнения, поэтому и исполнителей у меня не так много, как кажется. Если только песня становится уж очень популярной. Классический пример — Лариса Долина. Долгое время никто не знал, что она записала песню «Три белых коня» для «Чародеев», да и сама она тогда была не так известна, как сейчас. Или «Прекрасное далёко» — тоже одна из моих любимых песен, ставшая очень популярной благодаря удачному исполнению.

Первой ее исполнила Татьяна Дасковская, очень из-

вестная в то время в кинематографических кругах певица, с которой мы работали еще на «Русалочке». С ее подачи песня получила признание. Потом ее спел «Меридиан», спели замечательно, это главный признак, что песня принята народом. Раньше, когда слышал, как в метро поют песни Зацепина или Тухманова, немного завидовал: когда же до меня доберутся? И когда впервые услышал, как кто-то поет «Прекрасное далёко», облегченно вздохнул: ну вот, меня тоже в классики записали, пора сматывать удочки.

— В последнее время стало модно делать ультрасовременные ремиксы на старые шлягеры. Одобряете?

— Сам я этого не делаю, но ко мне часто обращаются за разрешением спеть ту или иную песню. Я всегда с удовольствием разрешаю. Замечательно, что песня привлекает молодых исполнителей, и я не понимаю, почему друзья авторы недовольны современными трактовками. Пусть делают что хотят — ведь новый вариант не уничтожает прежние. А публика сама выберет, какой «Лесной олень» ей больше нравится — Анды Ведищевой, Людмилы Сенчиной или Леры Дэнс.

— А вам известен человек по имени Сид и его проект «Приключения Электроников»?

— Нет.

— Так называется серия дисков с песнями из кинофильмов в современной обработке, сделанной этим самым Сидом. Там не только ваши песни, но ваших больше всего.

— Да? Впервые слышу. Вы меня прямо заинтриговали. Этот человек ко мне не обращался. Вообще-то так не делается — без ведома автора...

— Обвиняли ли вас в плагиате и ловили ли вы кого-нибудь на том же по отношению к себе?

— Меня — нет. А мне несколько раз доводилось слышать свои темы в чужих сочинениях. Но я не придаю этому особого значения, так как уверен, что заимствования непреднамеренные. Сам частенько, когда сочиняю что-то новое, ловлю себя на мысли: господи, да все уже было до меня. Если покопаться, то и у Чайковского можно найти многое от позднего Моцарта. Да у кого угодно.

— Если предположить, отдадите ли свои песни для использования в рекламе?

— Уже было — «Умка» и «Крылатые качели» звучали в роликах. Если платят, почему нет?

— Глупейший вопрос: легкого ли сочинять запоминающиеся мелодии?

— Я всегда работал легко, ни одной песней особо не мучился. Может, потому и не могу назвать однозначно какую-то песню своей вершиной. Если бы она долго не удавалась и наконец получилась — тогда да, это достижение. А так все легко и просто.

— Великий мелодист Пол Маккартни свою лучшую песню «Yesterday» сочинил во сне. У вас такое было?

— Было пару раз, но это не лучшие мои песни.

— А можно ли высчитать шлягер алгебраически?

— Тогда все писали бы только шлягеры. Рождение музыки загадочно — это всегда результат озарения, интуиции.

— Зайдем с другого конца: что приходит сначала — стихи или музыка?

— Я пишу только на готовые стихи. За исключением тех редких случаев, когда мелодия рождается просто как тема фильма. Да и тогда я стараюсь инструментальное произведение превратить в вокальное. Так, в шестьдесят восьмом году у меня была написана мелодия для короткометражного фильма «Цветик-семицветик». Она очень дол-

го лежала без текста, потому что сложна для подтекстовки. Но она так понравилась Юрию Энтину, что он ухитрился написать для нее слова — на то он и Энтин. Теперь песня называется «В старом замке» и впервые прозвучала на моем юбилейном вечере.

— Все-таки не понимаю: как можно написать песню, да еще по заказу, на заданный стихотворный размер. Для всех ли предложенных стихов находится музыка?

— А почему нет? Я же профессионал. И человек, который приносит стихи, тоже профессионал — он знает, как работать с композитором.

— С кем из поэтов-песенников вам работается лучше всего?

— Самый главный и самый любимый мой поэт — безусловно, Юрий Энтин. И в количественном, и в качественном отношении. С ним я написал свои самые знаковые песни — всего их у нас более семидесяти. Если брать мой более зрелый период, то это Евтушенко, с которым также написано немало. И еще Леонид Дербенев, с которым, к сожалению, мы поздно встретились. А так, по одной-две песни я писал со многими хорошими поэтами — с Резником, с Шафераном... Вот с Таничем почему-то до сих пор ничего не написал, не пересекались пока.

— Как относитесь к ненормативной лексике в песнях? Бывают ли ситуации, когда это оправдано?

— Если вы имеете в виду мат, то в моих песнях это совершенно исключено. Что до других, то я еще могу допустить это где-то в клубах или на закрытых каналах, где специфическая атмосфера. Но не на большую аудиторию, а лучше вообще нигде.

— Не токуете ли вы по худсоветам? Раньше многое запрещалось по идеологическим соображениям, но в то же время проводился качественный отбор.

— Бесконтрольная свобода, безусловно, имеет оборотную сторону. В погоне за пресловутым рейтингом очень часто не соблюдаются этические нормы. Я не могу обижаться на худсоветы хотя бы потому, что сам я в них никогда не заседал и никогда от них не страдал.

— Неужели вас ни разу не «резали»?

— Ни разу. А за что? Я никогда не был ни политизированным, ни диссидентствующим... Но какая-то контролирующая функция все-таки должна присутствовать, иначе нам грозит беспредел во всех сферах жизни.

— Лет десять назад вся наша художественная элита ринулась на Запад — теперь так же дружно возвращаются не солоно хлебавши. Почему вы не последовали примеру коллег?

— Потому что хорошо помню, как тяжело мне было пробыть в Москве. И начинать все сначала в уже очень молодом возрасте не было никакого желания. Не скажу, что я тяжел на подъем — со своими концертами развезаю довольно часто, но практически не выезжал за пределы Советского Союза. Как говорится — где родился, там и пригодились.

— Насколько вы востребованы в кино сегодня? Расскажите о своих последних работах.

— Прежде всего это фильм «Сверчок за очагом» по Диккенсу в постановке моего постоянного режиссера Леонида Нечаева — вы знаете его по замечательным сказкам «Приключения Буратино», «Про Красную Шапочку», «Сказка о звездном мальчике»... Еще два двухсерийных фильма «Под Полярной звездой-1» и «Под Полярной звездой-2» по книгам Юрия Горянинова.

Три фильма Маргариты Касымовой — «Маленький беглец», «Плате для Золушки» и «Звезда Венера». Два фильма с Эльдаром Разубаевым — «Женская логика» и «Торговая империя». Последний фильм — комедия «Колхоз Интертеймент» с Николаем Караченцовым в главной роли. И вот-вот начнутся съемки «Дюймовочки» — к юбилею Андерсена. Ставит Нечаев, а стихи к песням пишет Энтин.

Не могу сказать, что в последние годы я востребован так же, как раньше. С другой стороны, сейчас чаще переиздаются мои песни в разных ин-

терпретациях, поскольку уже прошли проверку временем. В любом случае, я не бедствую.

— Значит, в отличие от большинства кинорежиссеров, оказавшихся за бортом, вы не считаете, что русское кино умерло навсегда?

— Абсолютно не согласен, потому что кинематограф — часть духовной культуры и духовного самосознания народа. Если кинематограф умер — значит, и общество умерло. Мы с вами пока живы — значит, не так все плохо.

— Имеете ли вы вредные привычки?

— Смотря что под этим понимать.

— Многие композиторы злоупотребляют алкоголем, чтобы вызвать приток вдохновения...

— Некогда выпивал, как все нормальные люди. Но не допинга ради — на отсутствие вдохновения я никогда не жаловался. А сейчас считаю, что уже выпил свою бочку, теперь не пью ни капли. Так что ярко выраженных вредных привычек у меня нет. Ну а покажите мне человека, который вообще не имел бы недостатков.

— Хобби у вас есть?

— Боясь вас разочаровать: не обзавелся. Наверное, по той же причине, что я не коренной москвич. У тех, кто жил в Москве с самого начала, было время беситься с жиром. Я в девятнадцать лет приехал в этот сумасшедший мегаполис — без денег, без знакомых... Моим хобби были поиски заработков, прописки, квартиры. Мы с женой в течение семи лет переезжали с одного места на другое, имея всего имущества лишь ящик с книгами. Нормальная жизнь началась, когда мне исполнилось тридцать шесть — поздравляю! Для выбора побочного занятия. Поэтому я считаю, что отстаю в своей жизни: десять лет после окончания консерватории оказались вычеркнуты, их не вернуть.

— Круг ваших близких друзей — это круг людей, с которыми вы связаны профессионально?

— Именно те, кого я называл выше. Я со всеми своими коллегами поддерживаю хорошие отношения, но особо близкими считаю режиссеров, с которыми работаю. К сожалению, многие из них теперь за рубежом, а некоторых уже нет в живых — как Павла Арсенова... Так что на рыбалку или в баню я с ними тоже не хожу, большей частью ограничиваемся деловыми встречами.

— Расскажите о своей семье. Пошли ли дети по вашим стопам?

— Моя жена Севиль Сабитова — сестра известного татарского композитора-симфониста Алемдара Караманова. Мы учились вместе с ним в консерватории, тогда все трое и познакомились. Сама она окончила юридический факультет МГУ, но ни одного дня по этой специальности не работала — у нас как раз родился первый ребенок, и ей тоже дали «свободный» диплом. Во многом своими успехами я обязан ей, потому что, пока я писал музыку, она целиком обустраивала наш прекрасный советский быт с его дефицитами и очередями. Как она сама говорит: «Потому у тебя такая красивая лирическая музыка, что я освоила тебя от реального мира». Спорить не приходится.

Сын Павел живет отдельно, у него своя семья, есть дочь Маша. По профессии он сценарист. Мы работали вместе с ним над фильмом Максима Воронкова «Страсти по Себастьяну Бахову», который оба не считаем выдающимся явлением. Моя младшая дочь Мария тоже окончила консерваторию, но сейчас предпочитает заниматься религиозной философией.

— А вы религиозны?

— Я с детства крещен и считаю себя верующим — насколько позволяет атеистическое прошлое нашей страны.

— Какую единственную книгу вы взяли бы с собой на необитаемый остров?

— Библию. Есть вещи, которые надо просто знать. Можно любить и не любить, верить или не верить, но знать нужно. Библию должен прочесть всякий культурный человек. Я считаю себя культурным человеком, но, к стыду моему, до сих пор не прочитал ее до конца. Вот на необитаемом острове у меня наконец-то нашлось бы время.

Слова

Ксения Георгиади:

— С Евгением Крылатовым мы познакомились на съемках фильма «Чародей». Там я исполнила несколько песен, в том числе «Зеркало» — от лица главной героини, которую сыграла Екатерина Васильева. Евгений Павлович как никто умеет создавать яркие мелодии — неудивительно, что я до сих пор пою эту песню на концертах, прежде всего потому, что ее требует публика. Далеко не все песни, записанные для кино, я включаю в свой «живой» репертуар. Но, видимо, «Зеркало» останется со мной навсегда, и надеюсь, наше сотрудничество с Евгением Павловичем отнюдь не закончено.

Елена Камбурова:

— Наверное, не все знают, что в популярном кинофильме «Приключения Электроника» песни Сергея Сыроежкина исполняю я. Эти иронические куплеты действительно для меня нехарактерны и появились в моем репертуаре могли только случайно. Собственно, так и произошло: сначала Евгений Павлович предложил мне попробовать спеть песенку «Мы маленькие дети, нам хочется гулять...» просто так, смеха ради. Получилось озорно и весело, и в итоге я записала всю фонограмму этого героя. Быть может, в том и есть главное качество выдающегося композитора — находить для своих сочинений неожиданные решения.